
А. Н. МЕЩЕРЯКОВ

ВОСПРИЯТИЕ СРЕДЫ ОБИТАНИЯ В ЯПОНИИ ЭПОХИ ТОКУГАВА (1603–1867)

В статье анализируется дискурс периода правления Токугава, периода длительного и почти бесконфликтного развития, увеличения производительности труда, роста населения, развития торговых отношений, повышения благосостояния, широкого распространения грамотности. В этот период господствующим стало оптимистическое восприятие жизни и восприятие Японии как «божественной страны» в силу незыблемого и объективного природного закона, обеспечивающего и гарантирующего ее исключительное в сравнении с другими странами положение. Автор анализирует соответствующие тексты многочисленных японских мыслителей того периода, подводя читателя к рубежу драматического «открытия» Японии западными державами в середине XIX в.

Ключевые слова: Япония, солнце, период Токугава, Хирата Ацутанэ, Нисикава Дзёкэн, конфуцианство, синто, буддизм, божественная страна, национальная идентификация.

Период Токугава – значимое время в японской истории и культуре. После кровавых усобиц страна была объединена под эгидой сёгунов из дома Токугава, и в Японии наступил продолжительный мир, длившийся до середины XIX в. Правление Токугава характеризуется отсутствием сколько-нибудь крупных внутренних конфликтов и мятежей, увеличением производительности труда, ростом населения, развитием торговых отношений, повышением благосостояния, широким распространением грамотности. Мирная жизнь способствовала оптимистическому восприятию жизни. Это касается не только социальной сферы, но и среды обитания. Мыслители характеризовали времена междоусобиц как ужасные и восторгались нынешним строем спокойной жизни. При этом их оценки среды обитания также изменились радикальным образом.

Под непосредственным влиянием неблагоприятной ситуации в государстве в течение длительного времени территория Японии

воспринималась ее обитателями как крошечная, неблагоприятная для жизни и удаленная от культурных центров – Индии и Китая. Однако ситуация с «размером» страны и оценкой среды обитания теперь стала иной. Изменениям, произошедшим в «природном» дискурсе, и посвящена данная статья.

* * *

Для понимания интеллектуальной ситуации в период Токугава огромное значение имеют два момента.

Во-первых, это почти полное закрытие страны. Умами овладевает сознание того, что от внешнего мира следует ждать только неприятностей. Сёгунат проводит политику жесткого изоляционизма, христианские проповедники изгоняются из страны, отношения с зарубежьем почти прекращаются. Это не означало, однако, что мыслители периода Токугава «забыли» о существовании границы. Но теперь она служит примером «неправильного» устройства жизни. Христианство выступает в качестве учения, подрывающего основы государства (поскольку лояльность Богу важнее, чем лояльность сюзерену). В Японии во множестве сочиняются антихристианские трактаты, редкий мыслитель упускал возможность отозваться о христианстве и Западе самым уничижительным образом. Тогдашний Китай, где к власти пришла «дикая» кочевническая маньчжурская династия Цин, тоже оценивался отрицательно. Что до Индии, то она практически исчезает как объект для размышлений.

Во-вторых, в период Токугава буддизм перестает быть основным средством для осмысления мира. Считалось, что буддизм не смог обеспечить единства страны. Буддийских монахов упрекают в низкопоклонстве перед иноземными обычаями, в распушенности нравов, неуважении к семейным и государственным ценностям. Монашеский обет безбрачия воспринимается как помеха в умножении людского ресурса страны, а озабоченность адептов буддизма личным спасением ведет к обвинениям в эгоизме и сыновней непочтительности. Эти обвинения во многом повторяли традиционные инвективы китайских конфуцианцев по отношению к буддийским монахам, которые не выполняют основных обязанностей человека – заботиться о родителях и продолжать свой род. На этом

фоне в качестве официальной идеологии стало выступать конфуцианство (неоконфуцианство) в интерпретации школы Чжу Си.

Разумеется, монастыри и храмы продолжали свое существование, элита и простые японцы отправляли буддийские обряды (в особенности это касается похорон), но буддийские монастыри перестали быть главным магическим оплотом власти, утратили самостоятельность, активными проповедниками буддизма зачастую становились бедные, низкостатусные и малообразованные люди, буддизм больше не порождает крупных и признанных обществом мыслителей. Мир общественный, государственный, мир образованных управленцев обретает преимущественно конфуцианские характеристики. Идея о том, что главной обязанностью человека в иерархически организованном социуме является не набожность (верность Будде), а верность социальная, пользуется непрерываемым авторитетом. Эта идея верности реализовывалась в первую очередь по отношению к семье и сюзеру.

Буддийская идея о минувшем «золотом веке» и непрекращающемся упадке вытесняется на периферию общественного сознания. Известный астролог и географ Нисикава Дзёкэн (1648–1724 гг.) утверждал: нет никаких оснований считать, что прошлое было в чем-то лучше настоящего. Он не оперирует языком описания, принятым в буддизме. В качестве доказательства своего убеждения он обращается совсем к другим доводам. Так, в частности, он говорит: в противоположность распространенным в обществе пессимистическим настроениям нынешнее население стало намного больше, чем в прошлом, а продолжительность жизни отдельного человека стала не короче, а длиннее, ведь общий строй жизни стал «спокойнее», а питание лучше. Нынешние люди вовсе не уступают людям древности в «мудрости», поскольку теперь они читают книг «в десять раз больше». «Злодеи» случались и раньше, и нет никаких оснований считать, что их число теперь увеличилось. Нисикава Дзёкэн не видит никакой деградации и в природе – камышовка как пела весной, так и поет сегодня, ласточки неизменно прилетают ко дню весеннего равноденствия, а улетают к равноденствию осеннему. С прежней регулярностью совершают свои перелеты гуси, отмеряет время кукушка. Как и в прежние времена, собака прибивается к человеку, кошка ловит мышей, волы и лошади покорно везут свою

поклажу. Целительная сила растительных снадобий не утратила действенности, деревья по-прежнему годны для строительства жилищ. Камни остались теми же самыми по размерам и свойствам, что и в далеком прошлом. И если сама природа осталась неизменной, то было бы нелепо думать, что сам человек деградировал (Нисикава Дзёкэн 1988: 32–36).

В отличие от сегодняшнего дня, когда принято подчеркивать бедную ресурсную базу Японии, расхожее мнение того времени заключалось в том, что Япония обладает всем необходимым для благополучного существования: «...наша страна изобильна пятью злаками [рис, ячмень, чумиза, бобы, просо], богата пятью металлами [золото, серебро, медь, железо, олово] и во всем испытывает недостаток, потому, видимо, имеет полное основание не оглядываться на других» (Оцуки Гэнтаку, Симура Хироюки 2009: 47).

В период Токугава Япония позиционируется как страна счастья и благоденствия. Мыслители того времени неизменно возносили хвалы мирному правлению сёгуната. Конфуцианский мыслитель Исида Байган (1685–1744 гг.) писал: «Сегодня в Поднебесной царит мир. Благодаря этому благодатному, счастливому обстоятельству товары и ценности могут беспрепятственно доставляться в места, удаленные на несколько тысяч *ри*, хоть морским путем, хоть сухопутным, не опасаясь морских пиратов или лесных разбойников. В городах люди имеют возможность спокойно жить в своих домах. Если самураи, крестьяне, торговцы и ремесленники, каждый на своем месте, будут прилагать усилия к исполнению своего занятия, то они будут жить, ни в чем не нуждаясь. Это заслуга милостивой человеколюбивой политики [сегодняшних] властей, вызывающая чувство благоговения... В свободное от трудов время [человек] имеет возможность любоваться луной или цветением сакуры и, кроме того, при желании изучать Путь совершенномудрых... Благодеяние нынешнего государства настолько огромно, что может идти в сравнение с Небом и Землей, и его едва ли можно описать с помощью кисти» (цит. по: Карелова 2007: 290).

Мыслители токугавского времени твердили о происходящих благоприятных переменах. Причем эти изменения напрямую связывались с благодетельностью и мудростью власти, благодаря чему власть в состоянии даже изменить (окультурить) тот тип человека,

который образуется ввиду дурного влияния на него «дикой» природы. В 1701 г. мыслитель Сэки Соко опубликовал сочинение под названием «Син дзинкокуки» («Новые записи о людях и провинциях»), где обосновывал превознесение власти, то есть сёгуната Токугава, сущностью ее цивилизующей функции, превращающей «человека природного» в «человека культурного». В предисловии к «Син дзинкокуки» утверждается: «Людские свойства имеют основой свойства земли. Поэтому название этой книги следует понимать, как “Свойства людей и земля”. Если не знать свойств земли, то не поймешь и того, что она порождает» (Асано Кэндзи 1987: 105). Однако эта первичная связь между качествами земли и проживающим на ней населением не является единственным фактором, который определяет свойства людей. Огромное значение имеет и качество управления, а оно в настоящее время превосходно, и потому в отличие от прошлого нынешние люди поголовно обратились к доброму, они полны радости и наслаждаются жизнью.

Таким образом, признавая первостепенное значение природного фактора, автор утверждает, что он подлежит корректировке со стороны властей предрежащих. Собственно говоря, в этом и состоит задача мудрого правителя: используя и учитывая природные свойства людей, обратить их на решительное улучшение этой природности. Эта же мысль высказывается и в послесловии: «Порядок и беспорядок в государстве зависят от того, хороши или плохи обычаи; качества обычаев зависят от правдивости или лживости людских сердец; качества людских сердец зависят от мудрости или глупости того, кто управляет». Далее автор сравнивает людей с растениями: каков климат, в котором произрастает растение, и каково питание, доставляемое ему почвой, таким это растение и будет. При этом вполне понятно, что климат и почва – это не только истинные природные условия, но и власть, которая способна «окультурить» население (Там же: 280). В этом дискурсе место прежней связки «человек – Будда» занимают отношения между человеком и властью, которая выступает в качестве цивилизующей силы. Эти отношения уподобляются естественным природным процессам.

Замирению социуму эпохи Токугава соответствовало ощущение того, что и природа Японии тоже пребывает в замиренном состоянии. Если в прошлый период любое, даже незначительное

природное бедствие воспринималось как новое дурное знамение и вело к смене девиза правления (Мещеряков 2016), то теперь дела обстояли иным образом. В это оптимистическое время конфуцианское Небо было «довольно» порядками, царящими на японской земле, – продолжительность девизов правления становится существенно больше, чем в предыдущий период. В сознании современников (власти) аномальных природных явлений становится намного меньше, чем раньше. И это несмотря на то, что данные современной климатологии указывают на существенное временное похолодание в XVII–XVIII вв. Город Эдо, где располагалось сёгунское правительство, находился в более сейсмоопасной зоне, чем Киото (резиденция императора). Тайфуны в прибрежном Эдо также случались чаще и имели значительно более разрушительный характер. Так что землетрясения, цунами и тайфуны регистрировались в Эдо намного чаще. Огромные размеры города, узость его улиц, деревянные строения, скученность населения провоцировали регулярные опустошительные пожары. Однако все эти напасти, включая сильнейшие извержения вулканов Фудзи (1707 г.) и Асама (1783 г.), не могли поколебать уверенности в благодатности нынешнего правления и, даже вызвав временное похолодание, неурожай и голод, не привели к изменениям девиза правления.

С 1611 г. (воцарение Гомидзуноо – первого императора, взошедшего на трон при Токугава) и до интронизации Мэйдзи (1867 г.) всего пять раз девизы правлений были изменены под прямым впечатлением ниспосланных Небом бедствий, что отражает не только стабильность общего строя жизни и спокойную политическую ситуацию в стране, но и сопутствующее им оптимистическое сознание.

В эпоху Токугава Японию часто характеризуют как страну «божественную» (синкоку) – созданную синтоистскими божествами¹. Преподанных же мыслителей начинают упрекать в том, что они считали «уважаемыми странами только Китай и Индию» (Аидзава Сэйсисай 1973: 243). Такому пониманию способствовала не только удовлетворенность нынешними порядками, но и необходимость теоретического обоснования политики закрытия страны, сопровождавшейся поисками отличий Японии от зарубежья, обоснова-

¹ О генезисе концепта «божественной страны» см.: Трубникова 2012.

нием уникальных свойств своего государства. В создание такого дискурса оказались вовлечены приверженцы как синто, так и японского варианта конфуцианства.

Известный нативист и идеолог синто Хирата Ацутанэ (1776–1843 гг.) полагал: созданная божествами земля Японии настолько хороша, что японцам – в отличие от индийцев (буддистов) и китайцев (конфуцианцев) – не потребовалось создавать никаких сложных и изощренных теорий, которые мыслитель воспринимает как лже-мудрствование и доказательство ущербности этих стран. Примером ущербности Запада может послужить усиленное развитие в западных странах медицины – «поскольку в их окраинных землях множество хворых». Развитие же в странах Запада кораблестроения объясняется тем, что там настолько отвратительные природные условия, что европейцы не могут прожить без торговли, ибо их земля не доставляет необходимых средств для существования. Япония же – в силу превосходных природных условий – в международной торговле не нуждается и, следовательно, не нуждается во флоте. Поскольку земля Японии самодостаточна и она не испытывает желания торговать, то европейцы презрительно именуют ее «закрытой (запертой на замок) страной», что, в понимании Хирата Ацутанэ, является похвалой (Хирата Ацутанэ 2002: 330; 1936: 278).

Европейцы изобретают разные диковинки. Ну и что в этом хорошего? Хирата Ацутанэ полагает, что стремление к новому обусловлено суетливостью характера, объясняемой в конечном итоге неблагоприятной средой обитания. Что до Японии, то люди там степенны и не корчат из себя мудрецов. Торопливость – вещь нехорошая. Птицы и звери начинают поглощать пищу сразу после рождения, через пару-тройку месяцев они уже приступают к совокуплению, что свидетельствует о изменности их природы. Птицы и звери спешат, поэтому и век их краток. Что до Японии, то она хранит неспешную величественность, соблюдая обыкновения века богов. Хирата Ацутанэ подчеркивает принципиальную важность акта творения – именно этот акт и предопределяет качество земли, которое сказывается и на качестве населения: если земля Японии была порождена «естественным» способом – путем брачного союза между божествами Идзанаги и Идзанами, то все другие страны

к западу от Японии эти божества создали из морской пены (Хирата Ацутанэ 2002: 295–301).

Большинство нативистов были согласны в том, что причины превосходных качеств земли Японии лежат в глубокой древности. В рассуждениях Хирата Ацутанэ речь идет о разнице в качестве «первоматериала». Эта разница настолько велика, а различные земли порождают настолько различных по своему качеству людей, что мыслитель явственно видит тот день, когда все придет к «законному положению, когда все без изъяна главы иноземных (буквально “варварских”. – *А. М.*) стран объявят себя вассалами и, простершись ниц перед нашим императором, покорятся ему, а караваны судов будут доставлять дань, и все станут служить с трепетом и почтением. О, как это приятно и отрадно!» (Там же: 334).

Принятие конфуцианской картины мира, в которой актуализирована прямая связь между природными условиями и жизнью социума, означала усвоение тех взглядов на природу и общество, для которых характерен крайний географический детерминизм – убеждение в существовании прямой корреляции между природной средой обитания и «качеством» людей, населяющих эту землю. В традиционной дальневосточной мысли считалось, что Центр («срединная страна») по определению обладает природой и климатом, которые более благоприятны для культуры и нравственности, чем природные условия окружающей Центр периферии. Видный мыслитель, теоретик «пути самурая» Ямага Соко (1622–1685 гг.) прямо утверждал: четыре времени года там сменяют друг друга в правильной последовательности, а потому люди там «чисты», они не смешиваются с обитателями других стран, а императорская династия не знает перерыва. И все это обуславливается свойствами территории, которая совершенно не случайно имеет форму копья. В связи с этим люди в Срединной стране отличаются воинскими доблестями, и «гармония» там утверждена твердо, как алмаз (Бусидо дзэнсё 1942, т. 3: 287). Ямага Соко отмечал также выгоду международного положения Японии – она окружена морями и потому не соприкасается с варварами. Таким образом, природные условия защищают страну от иноземных нашествий, что избавляет от необходимости строительства фундаментальной обороны (Утида Хидэо 1971: 17).

В японских условиях географический детерминизм конфуцианского типа дополнялся представлениями, восходящими к синтоистскому мифу, понимаемому в том смысле, что нынешняя ситуация есть отражение и проекция акта божественного творения. В этом дискурсе территория Японии соотносилась с солнцем и восточным расположением.

В пьесе ритуального театра ковака-маи (танец-пантомима, исполняемая под речитатив сказителя) под названием «Дайнихонги» («Рассказ о великой Японии», текст пьесы зафиксирован в XVII в.) повествуется о том, как божества Идзанаги и Идзанами создавали мир. Этот рассказ является поздней интерпретацией синтоистского мифа. В исходном варианте мифа божества создают только Японские острова, а о других странах ничего не сообщается. Однако, согласно тексту пьесы, божества создают сначала Японию, а затем также Индию и Китай, которые, правда, больше Японии. При этом Япония похожа на солнце, Индия – на луну, а Китай – на звезду. Примечательна концовка этого произведения: хотя считается, что наша Япония, управляемая императорской династией, получилась маленькой, но все равно она – лучшая из трех стран, именно она похожа на солнце и жизнь людей здесь долгая (Мацудзава Тисато 1979: т. 39, 271)².

Знаменитый ученый конфуцианского толка Кумадзава Бандзан (1619–1691 гг.) работал в той же мыслительной парадигме, что и автор(ы) ковака-маи. Он утверждал: «Трем странам соответствуют три вида света. Индия управляется богом луны и потому она именуется лунной страной. Китай управляется звездным богом и потому он именуется Синтан (“Синтан” – транслитерация санскр. *Cinasthana*, так именовали Китай древние индийцы). Наша страна управляется богом солнца и потому она именуется Нихон – Солнечной. Луна и звезды являются производными от Солнца, поэтому две другие страны являются нижним течением. Именно наша страна – исток тысячи миров, начало десяти тысяч стран. То, что она маленькая, является доказательством того, что [Япония] является началом для трех стран. Все десять тысяч вещей имеют началом малое» (цит. по: Утида Хидэо 1971: 15). При таком подходе размер

² Анализ и перевод пьесы «Дайнихонги» см.: Батова 2013; см., также: Записи... 2013.

территории переставал быть решающим параметром при обсуждении вопроса о достоинствах страны. Кумадзава Бандзан полагал также, что свойства управляемой божествами японской земли настолько хороши, что там много золота и серебра, полей и людей, которые необычайно умны. Другие страны взирают на Японию с завистью и алчностью, но Япония – это страна воинов, и поэтому иноземцы не могут заполучить желаемого.

Рассуждения о благодатности японской земли сделались в период Токугава правилом хорошего тона. Упомянутый выше Нисикава Дзёкэн принадлежал к числу тех мыслителей, которые внесли большой вклад в процесс осмысления места Японии в мире.

Одной из известных работ Нисикава Дзёкэн стал трактат 1720 г. «Нихон суйдо ко» – «Размышления о японской земле» (буквально «Размышления о японской воде и земле»), в котором он обосновывал несравненные достоинства географического положения Японии (Нисикава Дзёкэн 1988: 18–26). В этом трактате он оперирует не только традиционными категориями китайской политико-географической философии, но и европейскими знаниями (он жил в Нагасаки, где находилась фактория Ост-Индской компании). В начале своего труда он приводит относительно «объективную» географическую карту мира с нанесенными на ней континентами и некоторыми странами, с изображением экватора, Северного и Южного тропиков. В то же самое время на этой круглой карте присутствует и привычное обозначение направлений с помощью циклических знаков. Однако китайское и европейское знания не вступают во внутренний конфликт и служат одной и той же цели: обоснованию тезиса об уникально благоприятном географическом положении Японии. В предисловии к своему труду Нисикава Дзёкэн говорит о том, что иноземцы «хвалят красоту своих стран», но при этом они не свободны от субъективизма и личных пристрастий. Задача же автора трактата состоит в том, чтобы обосновать красоту Японии, показать ее превосходство с помощью «объективной» географической карты.

Автор постулирует, что Азия – наилучшая часть света, и Япония занимает в ней самое благоприятное положение. В традиционных китайских мыслительных построениях наилучшее место – это, безусловно, Центр, и Нисикава Дзёкэн признает, что Япония нахо-

дится на востоке. Чем же хорошо восточное расположение Японии? Тем, что солнце освещает ее первой. В связи с этим там берет начало положительная (солнечная) энергия, дающая жизнь деревьям и растениям. Япония, по убеждению Нисикава Дзёкэн, – это страна, где четыре времени года пребывают в гармонии, то есть погоды сменяются в правильной последовательности, температурный режим умеренный, здесь не бывает ни слишком холодно, ни слишком жарко. Мир велик, но таких чудесных мест на свете мало. Все страны, расположенные на севере и юге, или очень жарки, или чересчур холодны. Япония же простирается в промежутке от 38–39 градуса до 31–32 градуса с. ш. Район Киото, где расположен императорский дворец, находится в самом центре страны (на 35 градусе с. ш.), поэтому климат там обладает наибольшей «серединностью» (умеренностью), начала Инь-Ян пребывают в гармонии, что напрямую сказывается на людях – они там очень красивы.

Территория Японии отличается наличием «сильной» и положительной «ки-энергии». Это обуславливает тот факт, что японцы отличаются моральными (конфуцианскими) достоинствами: они обладают развитым человеколюбием и любовью – обязанностью по отношению к тем людям, с которыми им приходится вступать в контакт. Кроме того, японцы обладают мужеством – силой, которую они черпают от гор. В связи с этим японцы любят светлое-чистое-белое и не любят грязное-мутное, они следуют церемониальным правилам поведения, которые направлены на поддержание иерархии в обществе. В отличие от населения других стран даже японские простолюдины неукоснительно справляют Новый год и твердо придерживаются норм брачно-семейных отношений. Новый год – это начало светлой энергии, брак – это начало человеческих отношений – обязательств. Поэтому японцы постоянно веселы, жизнерадостны, а уныние ненавидят. И эти чувства народа – тоже следствие естественного географического положения страны.

Нисикава Дзёкэн был озабочен доказательством того, что Япония не является крошечной страной. Он констатировал, что она действительно меньше Индии и Китая. Однако справедливо ли суждение о том, что Япония – страна маленькая? В море расположены восемь («восемь» можно трактовать и как «множество») больших островов-материков. Среди них страна Япония – самый

«большой остров». Так почему же называть его маленьким? Японию называют «просяным зернышком», но это совсем не так. Огромный земной шар делится на 360 градусов, а длина Японии с востока на запад меньше этого числа всего в 32 раза. А потому Япония – страна совсем не маленькая. Разве можно назвать ее «просяным зернышком»?

Продолжая свою полемику против уничижительного позиционирования Японии как страны «маленькой», Нисикава отмечал: большие размеры страны вовсе не означают, что ее следует считать «заслуживающей уважения». Уважение к государству определяется климатом (правильностью смены четырех времен года, отсутствием чрезмерной жары и холода) и качеством проживающих там людей (их моральностью), а по этим параметрам Япония – страна несравненная. В государствах со слишком большой территорией чувства людей и их обычаи чересчур разнообразны, их трудно объединить. Китай – это страна мудрецов древности, но там из-за разнообразия обычаев все время случаются смены династий. Размеры Японии – не большие и не маленькие, обычаи ее людей, их чувства одинаковы, управлять ими легко. Поэтому и правящая династия в Японии никогда не менялась, и это делает ее уникальной. Объясняется же это божественностью ее территории. Рассуждая в другом труде о непрерывности императорской династии, Нисикава Дзэкэн писал, что сердца людей не позволили бы никому лишить императора трона, а если бы и нашлись такие злодеи, их немедленно настигла бы небесная кара. «То, что трон занимают только потомки божеств, объясняется устройством вод и земель в этой стране» (Кинсэй... 1996: 167).

Сочинения Нисикава Дзэкэн прочли далеко не все японцы. Поэтому и значительно позже появления его работ все равно оставались «малoverь», которых продолжали смущать малые (или якобы малые) размеры Японии. Нативист Мотоори Норианага (1730–1801 гг.) отвечал им: хотя и в Японии есть люди, которые поддались логике иноземцев и считают свою родину крошечной страной, но на самом деле достойна ли уважения та или иная страна – не зависит от ее размеров. Вместо обширности территории страны Мотоори Норианага предлагает оценивать ее качества по плотности населения и доле обрабатываемой земли по отношению ко всей терри-

тории. И по этим показателям Япония, по его мнению, относится к числу очень больших государств. «Разве какая другая страна может сравниться с нами по плодородию, доблести, мужеству, силе?» (Мотоори Норианага 2002: 263–264). Таким образом, и конфуцианец Нисикава Дзёкэн, и яростный поборник синто Мотоори Норианага мыслили в одном направлении, хотя аргументация каждого и отличалась своеобразием.

Хирата Ацутанэ был верным учеником Мотоори Норианага. Он вторил своему учителю, говоря, что размер не имеет отношения к качеству того или иного предмета: ведь драгоценный камушек уступает величиной скале, а человек – волю или лошади, но это вовсе не означает, что скала или лошадь лучше качеством. Далее Хирата Ацутанэ использует *собственные* европейские географические знания для подтверждения *своих* рассуждений: «Если взглянуть на карту мира, то на Южном полюсе есть огромная страна, составляющая треть площади всех остальных стран, сложенных вместе. Но там никто не живет и ничего не растет. Если бы размером страны определялось, хорошая она или плохая, эту страну на Южном полюсе, несомненно, следовало бы считать хорошей» (Хирата Ацутанэ 2002: 300).

Высокая степень оседлости японцев, привязанность к своей земле, любовь к ней, оптимистический сердечный настрой эпохи Токугава провоцировали ход мыслей, при котором любое свойство этой земли осмыслялось как благоприятное для формирования характера ее обитателей. Следом за Нисикава Дзёкэн Хирата Ацутанэ в последнем свитке «Кодо дайи» («Великий смысл Пути древности») писал о срединном (умеренном) и благоприятном для проживания климате Японии. В то же самое время, указывая на, в стране множество крутых гор, которые заставляют крестьян «страдать» (то есть горы делают жизнь крестьянина труднее). Однако эти страдания закаляют душу и тело, заставляют упорно трудиться и оберегают от лени, свойственной обитателям южных стран. Этот труд дает прекрасные результаты, и в итоге Япония обеспечена всем необходимым.

Свойственная конфуцианству концепция умеренности как чаемого идеала господствовала в Японии периода Токугава. Она распространялась на борьбу с роскошью и бедностью, она формирова-

ла поведение человека (осуждались внешние проявления любых эмоций, что расценивалось как недостаток самоконтроля). Сказывалась она и на восприятии собственной страны – не большой и не маленькой, и на климате – не холодном, но и не жарком.

При таком подходе ограниченное (несистемное) знакомство с западной картиной мира не разрушало японскую картину мира, а лишь утверждало ее. Так же как и Нисикава Дзёкэн, многие образованные на традиционный лад японцы того времени использовали почерпнутые из европейской науки сведения для того, чтобышний раз убедиться в своей правоте. Так, Хирата Ацутанэ, один из наиболее яростных и непоколебимых защитников всего японского, с воодушевлением отнесся к гелиоцентрической модели мира Коперника, поскольку она подтверждала для него важность солнца (богини Амаэрасу) в картине мира. С удовольствием поверил он и в Великий потоп, поскольку увидел в нем свидетельство того, что земля Японии расположена выше (в прямом и переносном смысле) территорий других стран и потому не была затоплена библейскими водами. Эта катастрофа затронула в первую очередь западные страны, Китай – в меньшей степени (так как он расположен ближе к Японии), а Корею не затронула вовсе, поскольку она расположена ближе к Японии, чем к Китаю (Хирата Ацутанэ 1936: 277).

Хирата Ацутанэ полагал, что Япония расположена на самой макушке земного шара, и уподоблял ее «лбу» человека. «Таким образом, страна императоров при сравнении с другими странами отличается непревзойденной красотой своей земли, она светла, ибо расположена там, где тянулись к Небу почки. Что до множества островов в нижней части земли, то поскольку они образовались-сгустились там, где изначально располагалась страна корней (то есть страна смерти. – *А. М.*), то там много грязи и скверны». Поскольку в мифе об Идзанаги и Идзанами содержится запрет на посещение живыми этой страны, то синтоистские боги ее больше и не посещали (Там же: 280–281). Напрашивался вывод: и потомкам богов, японцам, тоже там делать нечего.

Географические знания служили европейцам преимущественно для того, чтобы путешествовать по миру, покорять его и торговать с ним. Знания по географии, почерпнутые японскими учеными мужами из европейской науки, служили им совсем для другой цели.

Они являлись дополнительным обоснованием того, что с внешним миром следует иметь как можно меньше контактов, ибо японцы изначально благодетельствованы своим географическим положением и природными условиями и им не имеет смысла искать за морем лучшей земли и доли. В связи с этим вспомним, что даже Хоккайдо почти не интересовал сёгунат с точки зрения его освоения, ведь это холодная и малопригодная для растениеводства (прежде всего рисоводства) земля, населенная варварами (айнами).

Таким образом, в построениях Нисикава Дзёкэн, Хирата Ацутанэ и многих других мыслителей присутствует полное одобрение изоляционистской политики сёгуна Токугава. Их труды – еще одно обоснование правильности запрета покидать пределы своего государства. Географическая карта для такого рода ученых – своеобразный оберег против тех несчастий, которые могут постигнуть божественную и солнечную страну. Они оперируют не столько реалиями, сколько их символическими заменителями.

Хирата Ацутанэ со ссылкой на мнение «европейцев» сообщает: «Изобилием и приятностью ничто не может превзойти земли, лежащие между тридцатым и сороковым градусами северной долготы. Япония расположена в этом промежутке, кроме того, она расположена восточнее прочих стран, своим произволением небесные боги особо благоволят этой стране. Они обложили ее со всех сторон бурным морем, дабы воспрепятствовать вторжению иноземных врагов, а земли разместили здесь и там, так что они образовали множество островов...» (Хирата Ацутанэ 2002: 299)³.

В наиболее концентрированной форме благодатность родной земли Фудзита Токо (1806–1855 гг.) выразил следующим образом: «[Япония] – это место, где восходит солнце, оттуда исходит положительная (ян'ная) энергия, там удивительная почва, там люди замечательны, там обильная пища, там много воинов, там “верхи” обладают добродетельностью и любят жизнь [то есть не склонны к убийствам и репрессиям], они жалуют народ, а низы как один почитают верхи» (Фудзита Токо 1973: 271). Что до воинских добле-

³ Вышеприведенный пассаж дан в переводе В. П. Мазурика с нашей незначительной корректировкой. – А. М.

стей, то они заключены не столько в жестокости, сколько в мудрой и искренней любви. Называя Японию «божественной страной», он придавал этому понятию свойство природного закона – такого же объективного и неизменного, как и географические реалии.

В период Токугава европейцы долгое время проявляли малую заинтересованность в Японии. Закрытие Японии они встретили более или менее спокойно, успев убедиться, что страна не обладает теми ресурсами, которых они с таким энтузиазмом искали за морями, и отказавшись от ее покорения. Что до Нисикава Дзёкэн, то он воспринял такую пассивность как еще одно свидетельство уникальности географического положения страны. Он утверждал, что территория Японии превосходно «укреплена» самой природой и по этому параметру превосходит все другие страны. И это чрезвычайно важно, ведь закономерность состоит в том, что маленькие страны покоряются большими, поглощаются ими. Хотя земля Японии находится поблизости от больших стран, она отделена от них бурным морем и поэтому как бы далека. Благодаря этому она никогда не была покорена большими странами. Японию с древних времен называют «Ураясу» («Страна спокойных заливов»), потому что она защищена от вторжения иноземцев самими природными условиями. Сами же японцы, проживая «в большом замке» среди спокойных заливов, обладают воинской доблестью тысячи копий, их Небо и Земля – вечны. Этот народ является потомком божеств, его путь завещан богами. Японский народ любит прозрачное, чистое, белое, шествует дорогой человеколюбия и мужества, он преисполнен мудрости, которая возникает в нем сама собой, что является следствием божественной природы этой страны. В предлагаемой системе ценностей морю придавались положительные смыслы – как стихии, которая отделяет и предохраняет «культуру» от «варварства». Море играло роль искусственного рва с водой. И такая точка зрения являлась в эпоху Токугава доминирующей.

Идеи мыслителей, придерживавшихся географического детерминизма, исключали активную реакцию на происходившие в мире изменения. Такая позиция была близка и власти. Увеличивающаяся со временем угроза вторжения со стороны западных держав так и не побудила сёгунат к сколько-нибудь активным действиям. Те, кто

выступал с инициативой по подготовке отпора западному давлению, рассматривались властями как диссиденты. В этом отношении показательна судьба самурайского сына Хаяси Сихэй (1738–1793). В своем труде «Кайкоку хэйдан» («Беседы о военном деле морского государства», 1786 г.) он широко использует термин «морское государство» применительно к Японии. Однако его не интересуют возможности моря как среды, использование которой может доставить японцев в другие земли. Он подчеркивает его двойную функцию – разделять и соединять, но оставляет вторую возможность почти исключительно для иноземцев, одержимых торгово-захватническим духом: «То, что страна является морской, может сделать приход чужеземных разбойников в эту страну легким, но в то же время послужить препятствием к этому... Говоря о трудностях, я имею в виду наши неприступные берега, со всех четырех сторон окруженные бескрайним морем, и это исключает возможность попасть в нашу страну без разрешения. Однако не следует и пренебрегать укреплениями на этих неприступных берегах» (цит. по: Щепкин 2010: 151).

Таким образом, Хаяси Сихэй разделяет представление о Японии как о стране с благоприятным географическим расположением с точки зрения обороны. Но в тот период, когда угроза вторжения со стороны западных держав становилась ощутимее, он осмелился предложить конкретные меры по дополнительной (теперь уже рукотворной) защите страны. «Если с настоящего момента утвердить новую систему [обороны] и постепенно готовиться, пятидесяти лет вполне хватит, чтобы на всем морском побережье Японии соорудить великолепные и внушительные сооружения. Не сомневайтесь! Когда все это будет реализовано, открытое море станет для нас ровом, прибрежные утесы – каменными стенами, а сама Япония станет подобной огромному замку окружностью в пять тысяч ри. Разве не приятно это осознавать?» (Там же: 158).

В трактате Хаяси Сихэй обращает на себя внимание следующее обстоятельство: рассуждая о мощи европейских судов, он призывает не столько к созданию собственного военно-морского флота, сколько к строительству оснащенных пушками береговых укреплений. Та-

ким образом, он в значительной степени остается во власти представлений, что Япония является сухопутно-земледельческим государством, и отдает море во власть других стран. Иными словами, «морскому государству» следует обороняться от моря.

Предложения Хаяси Сихэй – при всей их наивности и ограниченности – кажутся сегодня вполне разумными. Однако это взгляд из сегодняшнего дня. В указе сёгуната отмечалось, что само допущение возможности проникновения иностранцев в Японию является вздорным и вредным, а потому Хаяси Сихэй приговаривается к домашнему аресту, а его сочинение подлежит изъятию и уничтожению (цит. по: Щепкин 2010 23–24). Образ Японии как страны недоступной в силу своего географического положения фактически являлся частью государственной идеологии, а искажение этого образа приравнивалось к крамоле и диссидентству. Сёгунат находился в плену своей идеологии (распространявшейся и на природу, и на географию, и на всю среду обитания), а потому и его последующая реакция на угрозы, исходившие с Запада, оказалась совершенно неадекватной и закончилась его свержением.

* * *

Если оценивать в целом восприятие природной среды обитания в период Токугава, то следует признать, что она характеризовалась как чрезвычайно благоприятная для проживания – как с точки зрения положения в мире, так и с точки зрения изобильности и климата. Считалось, что эти благоприятные условия порождали «несравненный» тип государства, общества, человека, морали. Связка «земля – люди» осмыслялась как однозначная и жесткая, она обеспечивала условия для оптимистического восприятия жизни и была хорошо приспособлена для автаркического существования. В то же самое время такой тип географического детерминизма служил серьезнейшим препятствием для выработки адекватных ответов на вызовы внешнего мира. В середине XIX в. европейские державы проделали операцию по «открытию» Японии. Операцию, которая не потребовала от них слишком много сил.

Литература

Аидзава Сэйсисай. 1973. *Тайсёку канва (Рассуждения после окончания службы). (Митогаку. Серия «Нихон сисо тайкэй» [Серия по японской идеологии]).* Токио: Иванами сётэн.

Асано Кэндзи (ред.). 1987. *Дзинкокуки. Синдзинкокуки.* Токио: Иванами сётэн.

Батова, Е. А. 2013. Рассказы о сотворении мира в памятниках японской словесности. *Вопросы философии* 4: 140–150.

Бусидо дзэнсё. Токио: Кокусё канкокай, 1942.

Записи о Великой Стране Солнечного Корня. 2013. *Вопросы философии* 4: 151–153.

Карелова, Л. Б. 2007. *Учение Исиды Байгана о постижении «сердца» и становление трудовой этики в Японии. Беседы горожанина и селянина. Рассуждения о бережливом управлении домом.* М.: Вост. лит-ра.

Кинсэй тёнин сисо. 1996. Токио: Иванами сётэн.

Мацудзава Тисато. 1979. *Маи но хон.* Токио: Ёсида Коити. Серия «Котэн бунко».

Мещеряков, А. Н. 2016. Разгул стихий в столице: катастрофизм сознания и восприятие природных бедствий в Японии периода Хэйан. В: Смирнов, И. С. (ред.), *Ya evat veda... Кто так знает... Памяти Владимира Николаевича Романова* (с. 283–298). (Orientalia et Classica: Труды Института восточных культур и античности LXI.) М.: РГГУ.

Мотоори Норинага. 2002. Тама кусигэ – драгоценная шкатулка для гребней. В: Ермакова, Е. М., Комаровский, Г. Е., Мещеряков, А. Н. (отв. ред.), *Синто. Путь японских богов.* Т. 2. СПб.: Гиперион.

Нисикава Дзёкэн. 1988. *Нихон суйдо ко. Суйдо кайбэн. Каи цусё ко.* Токио: Иванами сётэн.

Оцуки Гэнтаку, Симура Хироюки. 2009. *Удивительные сведения об окружающих землю морях. Канкай ибун.* СПб.: Гиперион.

Трубникова, Н. Н. 2012. Рассуждения о Японии как «стране богов» в XIII в. *Вопросы философии* 8: 85–94.

Утида Хидэо. 1971. *Нихон-но сюкётэки фудо то кокудोकан.* Токио: Даймёдо.

Фудзита Токо. 1973. *Кодокан гидзюцуги (Слово о «Кодоканги»).* Митогаку. Серия «Нихон сисо тайкэй». Токио.

Хирата Ацуганэ.

1936. *Тама-но мхасира. Фукко синто. (Истинный священный столп духа. Возрожденное синто)*. Т. 2. Токио: Сюньёдо сётэн.

2002. Истинный священный столп духа. В: Ермакова, Е. М., Комаровский, Г. Е., Мещеряков, А. Н. (отв. ред.), *Синто. Путь японских богов*. Т. 2. СПб.: Гиперион.

Щепкин, В. В. 2010. *Трактат Хаяси Сихэй «Кайкоку хэйдан» как памятник военно-политической мысли Японии эпохи Эдо (1603–1867)*: дис. ... канд. ист. наук. СПб.: ИВР РАН.